

Владилен Елеонский

Она

Дневник восьмиклассника

Владилен Елеонский

Она. Дневник восьмиклассника

«Издательские решения»

Елеонский В.

Она. Дневник восьмиклассника / В. Елеонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936013-7

Болезненный подросток безответно влюблен в спортсменку-одноклассницу, одноклассники смеются над ним, однако болезненность приводит к тому, что он раскрывает в себе способности, вызывающие восхищение.

ISBN 978-5-44-936013-7

© Елеонский В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	13
Глава вторая	17
Глава третья	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Она

Дневник восьмиклассника

Владилен Елеонский

© Владилен Елеонский, 2018

ISBN 978-5-4493-6013-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джули Кэмерон посвящается

Пролог

Мне до сих пор снятся Лена Котова и Славка Самолов. Иногда она не проявляет никакого интереса, как было в школе на самом деле, а иногда вдруг смотрит с повышенным вниманием и, кажется, хочет поцеловать.

А он, по-прежнему, мой извечный соперник. Даже во сне я горячо доказываю ему свою правоту, однако в ответ, как было в действительности, получаю лишь многозначительные ухмылки и пренебрежительные махания огромной, как лапа, ладонью.

– Сиди! Дите...

Теперь, вспоминая свою жизнь, я, взрослый дядя, склоняюсь к мысли, что по накалу страстей самым бурным был вовсе не шестнадцатилетний возраст, как часто изображается в фильмах и книгах. В шесть лет моя жизнь бурлила жарким вулканом, чередой шли нескончаемые приключения, постоянно росло количество знакомых, друзей и врагов.

Мерилом всего, правды и неправды, интересного и скучного, сильного и слабого, был двор. Здесь царила атмосфера здорового соперничества и увлекательной игры, здесь фонтаном была настоящая жизнь, та самая жизнь, которую нам, ушедшим вскоре во взрослый мир, стало так не хватать.

До сих пор ясно вижу убогие покосившиеся бараки во дворе, окруженные плотными зарослями полыни, которые тогда были на две головы выше меня, и уютную круглую беседку в темном углу, где часто собирались пацаны. Иногда здесь тренькала разбитая гитара, и звучали песни, что-то вроде этого:

«Тайны мира влекут, тайны мира манят,
В детстве годы так медленно, братцы, летят,
Взрослый мир тянет нас, как крутая девчонка,
И надсадно кричит чья-то бабка вдогонку».

Что только мы не выдумывали! У нас были самодельные духовые ружья с деревянным поршнем на медицинском жгуте, которые стреляли пластилиновыми пулями, оставляя волдыри на коже. Наши луки точно метали стрелы на двадцать шагов, и, конечно, все имели пластмассовое или деревянное оружие – пистолеты, автоматы, рыцарские мечи и мушкетерские шпаги.

Помню, летом мы с мамой были проездом в Москве, в Детском мире она купила мне игрушечную копию пистолета-пулемета Шпагина (ППШ), а когда мы зашли в метро и стали спускаться по эскалатору, я услышал за спиной возбужденный разговор двух презентабельных, приятно пахнущих, длинных и прямых как шпалы дяденек. Благодаря многочисленным советским фильмам про войну, которые в детстве мы смотрели запоем, даже игры во дворе прекращались, если по телевизору шел военный фильм, я без труда догадался, что позади меня на ступеньке эскалатора разговаривают немцы. Один из них восхищенно твердил одну и ту же фразу своему спутнику, указывая длинным указательным пальцем на мое оружие, которое я, девятилетний мальчуган, как положено, перекинул через правое плечо в положение «на ремень».

Эмоциональная фраза немца не требовала перевода.

– О, «пэпэша», «пэпэша»... «пэпэша»!

Второй оживленно кивал головой.

– Йя, йя, «пэпэша»!

Мне до сих пор не вполне понятно, почему они так бурно реагировали на этот советский пистолет-пулемет. Наверное, отцы и деды, воевавшие на Восточном фронте, рассказывали им о нем, поскольку сами эти дяденьки, им в том далеком семьдесят третьем году вряд ли испол-

нилось сорок, не могли быть ветеранами, – во время Второй мировой войны они были еще совсем детьми.

Вообще мужчины-немцы почему-то часто обращали внимание на меня. Один раз в Сочи, мне тогда было лет восемь, приятный на вид дяденька-немец лет сорока, не больше, с душевными словами, сказанными по-немецки, вручил германский леденец изумительного алого цвета в красивой обертке, – подарил просто так, только потому, что увидел меня вместе с мамой на пирсе.

Чего я не мог сказать о дяде, который участвовал в проведении в нашем городе выставку польских Фиатов семьдесят второго года. Не хочу обобщать, однако огромный, как медведь, поляк, представлявший публике одну из таких машинок-малюток, важно жевал пахучую резинку, они тогда для советских детей были в диковинку, и так смотрел на нас, шустрых пацанов, облепивших выставочный экспонат, словно его сейчас стошнит. Мы наперебой задавали ему вопросы, а он демонстративно не отвечал, всем своим видом показывая, что он нас на дух не переносит, и мы ему просто отвратительны, вот, даже резинку интенсивнее жует, чтобы преодолеть себя, вытерпеть наш неприятный запах.

Двор манил как магнит, каждый день он, словно кипящий котел, бурлил идеями. Увлекаемые ими с головой, мы лазили по гаражам и стройкам, устраивали химические взрывы с помощью карбида и качались на ветвях вязов, скрученных в цирковые качели. Иногда жевали битум, зубы превращались в смешные угольки, а мы представляли, что не битум это вовсе, а та самая пахучая иностранная жевательная резинка. Еще пили студеную воду из уличной водонапорной колонки на спор, кто больше выпьет. Ледяная вода невероятно ломила зубы, но мы терпели и пили, чтобы выиграть спор.

Играли постоянно. Летом заскорузлые мужики в беседке под лампочкой Ильича резались в домино, а мы в темноте допоздна резались в прятки, и наши мамы никак не могли загнать нас домой.

Летом выходили на лужайку и бились «во всадников», когда один был лошадью, а другой, сидевший на его плечах, – конником. Популярна также была игра «в слона», когда одна команда вставала, нагнувшись и сцепившись в колонну, а вторая прыгала им на спину, после чего «слон» должен был выйти из круга, очерченного перочинным ножом на земле, тогда – победа. Такое редко какой команде удавалось совершить, обычно «слон» валился с ног вместе с наездниками, с разбега жестко прыгавших на его «спину», в итоге получались всеобщая свалка и неопикуемый взрыв эмоций.

Весной и осенью мы дни напролет играли «в городки». Если остро заточенный напильник, вонзаясь во влажную землю, стоит торчком, то ты делаешь шаг «со своим войском» к «городу» – очерченному на земле кругу. Добравшись до места, его следует взять, – бросить напильник внутрь круга определенное количество раз. Если он не втыкался, к примеру, попадал в притаившийся в земле камень, считалось, что город выдержал оборону. Теперь его хозяин получал возможность устроить свой ответный поход на вражеский город. Главное, чтобы напильник втыкался, в противном случае следующий ход переходил к противнику.

Что касается футбола и хоккея, – рубились страшно. Спорили до хрипоты о забитых мячах и шайбах и постоянно ходили со сбитыми коленями и локтями.

Увлеченно играя, мы вечно шныряли в палисаде под окнами, и бабки кричали нам вдогонку, что сейчас вызовут милицию, а я такой перспективы никогда не боялся, – у меня у самого папа был милиционер.

Весной созревал боярышник, и мы лазили по ветвям, как мартышки, ели алые плоды до отвала прямо с ладоней вместе с семенами. До сих пор помню их неповторимый вкус!

Видимо, под влиянием телевизора, успевшего прочно войти почти в каждую советскую квартиру, и кинотеатра, все новые кинофильмы про войну были пересмотрены по нескольку раз, «войнушка» занимала особое место среди всех наших игр.

«Тах, тах, Валерка убит!», «Тах, тах, Сережка убит!», – до сих звенит в моих ушах. Смысл игры был незамысловат, но как она захватывала!

Одна команда пряталась в канаве на пустынной соседней улице у старых трухлявых домов под снос, там нам никто из взрослых не мешал и не кричал как резаный: «Идите в другое место!». Те, кто наступал, должны были незаметно, под прикрытием деревьев и кустарников просочиться в канаву, которая в нашем представлении была не канавой вовсе, а траншеей противника.

Кто первый выявлял вражеского бойца, нацеливал на него свое оружие и кричал: «Убит!», оставался, а тот, кто был обнаружен и не успевал скрыться, прежде чем звучал истошный крик «Такой-то убит!», выбывал из игры. Побеждала команда, в которой «выживал» хотя бы один боец. Понятно, что для участия в такой серьезной игре требовался предмет, способный делать «Тах, тах». Им признавалась любая вещь, – магазинная или самодельная, – похожая на огнестрельное оружие.

Я так гордился своим духовым ружьем, которое в восемь лет, высунув язык, за неделю увлеченно собрал на балконе, а отец, случайно обнаружив мое творение, без всяких разговоров тремя мощными движениями согнул латунное дуло, а затем сломал об колено поршень и приклад.

– Не смей!

Вот и все, что прозвучало, а у меня внутри все оборвалось, и по щекам потекли слезы. Мне было совершенно непонятно, почему я не имею права иметь свое собственное оружие, это же так естественно! Было невыносимо больно наблюдать, как плоды моего многодневного труда летят в мусорное ведро. Внутренне с отцом я был не согласен, однако тогда перевесил его взрослый авторитет.

Только теперь, когда прошло столько лет, я понял, что он был прав. Иметь собственное оружие, в самом деле, естественно, однако при одном условии, – если оно предназначено для охоты на животных, чтобы выжить. Двор же учил нас изготавливать оружие, пусть пока игрушечное, чтобы стрелять друг в друга, причем не для самообороны, а ради забавы. Ничем хорошим это кончиться не могло.

Иногда взрослые кого-нибудь хоронили, – тогда было принято устраивать похороны из квартир, а не из морга, как сейчас, – и мы гурьбой бегали смотреть, или глазели из дома, еще не зная о том, что наблюдать похоронную процессию из окна – плохая примета. Тогда я узнал, что люди, оказывается, не только взрослеют и болеют, они плюс ко всему умирают, то есть засыпают навсегда, после чего их надо класть в гроб и закапывать в землю. Все мое существо противилось такой процедуре, она казалась очень странной и пугающей. Еще я узнал тогда, что шапку покойника не следует оставлять в доме, лучше положить ее в гроб вместе с ним, только обязательно дном вверх.

Мысль о смерти никак не укладывалась в моей шестилетней голове, и когда соседский десятилетний пацан принялся твердить мне, до сих пор не знаю, что на него нашло, что я пойду в армию, и меня там убьют, я со слезами на глазах стал доказывать ему, что в армию не пойду.

– Пойдешь, пойдешь! Все идут, и ты пойдешь, как миленький, а тебя там убьют. Ха-ха-ха!

– Нет, я в армию не пойду!

– Пойдешь, пойдешь!

Пугать меня ему было, как видно, одно удовольствие. До сих пор не могу понять, почему он получал от этого прямо-таки наслаждение.

Короче говоря, шестилетний возраст был самым интересным в моей жизни. Мне как будто многое было известно наперед, вот только откуда?

Дед, мамин папа, очень спокойный, основательный и рассудительный человек, двадцать пять лет отработавший в кузбасской шахте, не раз хоронивший своих товарищей и чудом оставшийся в живых, как-то раз, не помню в связи с чем, сказал мне, своему любимому и един-

ственному шестилетнему внуку: «Вот женишься, тогда поймешь!», а я ему ответил: «Я никогда не женюсь!»

– Женишься, куда денешься.

– Нет, деда, я не женюсь!

Почему, откуда была эта убежденность по поводу армии и женитьбы, осталось для меня загадкой. Одно объяснение, – удивительный все-таки он, шестилетний мальчишеский возраст!

Все у нас было, только не было девочек. Играть с ними считалось зазорным, а тот, кто, невзирая на негласный запрет, все-таки играл, например, прыгал вместе с ними со скакалкой, перекидывался большим цветным мячом (он считался девчачьим) или, о, ужас, скакал на одной ноге по квадратикам, начерченным цветными мелками на асфальте, автоматически зачислялся в разряд девчонок. С ними отныне никто не играл и не разговаривал.

Тем не менее, возраст в шесть лет был настолько насыщенным, что любовь к девочке ему также была подвластна. Я пошел в школу с шести лет, двух месяцев до семи не хватило, и, едва приступив к учебе, сразу же влюбился в Лену Котову. В связи с этим меня до сих пор терзает вопрос, – а учителя и родители вообще догадываются, что творится в душе детей-первоклашек?

С самого начала школа совершенно не прельщала меня. Мне почему-то казалось, что сидеть за партой целыми днями и слушать учительницу, а именно такую учебу показывали по телевизору и в кино, было невероятно скучным занятием. По большому счету, за редкими исключениями, и этих учителей я помню до сих пор, так оно и оказалось на самом деле.

Получать оценки было ужасно! Меня будут оценивать? Да как они смеют!

А я смогу оценивать учительницу?.. Как это нет? По нашим дворовым понятиям так было нечестно!

Я заявил маме, что в школу не пойду.

– Почему, Валерик?

– Я получу двойку, а ты будешь меня ругать.

Маме пришлось применить тактический ход и заверить, что ругать меня за двойку она не будет. Впоследствии, когда в начальных классах, в самом деле, как-то раз случилась двойка, я напомнил обещание, сделанное ею накануне моего первого учебного года. Брови моей дорогой мамы сразу разгладились, и она очаровательно засмеялась своей неповторимой белозубой улыбкой.

– Я думала, ты был маленький, а ты, оказывается, все помнишь. Поразительно!

Маленький!.. Ах, дорогие мои читатели, обращаюсь к тем, кто, забыв свое детство, думает теперь, взрослый такой, что в шесть лет дети маленькие. Нет, в шесть лет дети – сформировавшиеся личности. Принципы, которые они впитали в себя в шесть лет, станут их идеалом на всю оставшуюся жизнь.

В школу со спортивным уклоном, что была в двух шагах от дома, меня не взяли.

– Приходите, когда ему будет полных семь лет, возьмем обязательно, – сказал огромный как морж директор, мне тогда показалось, что он доставал своей густой кудрявой шевелюрой до самого неба.

Маме, однако, было не с кем меня оставить, поскольку из детского сада меня выпустили еще в июле, а все наши дедушки и бабушки жили в других городах, поэтому она повела меня в другую школу, хотя она располагалась дальше от дома. Я стал свидетелем еще одного ее разговора с директором, тоже в фойе.

– Из детского сада выпустили, а в школу не берут. Год пропадает, а мы с мужем работаем с утра до позднего вечера. Скажите, что делать? Куда девать кроху?

Кроха, надувшись, стояла рядом и с опаской поглядывала на высоченного дядю-директора. Мне было совершенно непонятно, в чем проблема. Как может пропасть год, если есть

двор? Там кипит жизнь! А школа – это что-то, конечно, очень важное и загадочное, однако слишком строгое, сухое и чопорное. В школе не будет игры, это совершенно точно!

Мама настроилась на долгий разговор, однако реакция директора была неожиданной.

– Вы говорите, что два месяца до семи лет не хватает? В этом проблема, я правильно понял? О, так это не страшно! Не понимаю, почему вам отказали в школе, которая находится возле вашего дома. Считайте, что ваш сын стал первоклассником. Поздравляю!

Тем не менее, мама очень переживала, что теперь каждый день мне следовало переходить два довольно оживленных перекрестка. Они словно кровожадные крокодилы разлеглись на моем пути, не имели светофоров, – тогда, в семьдесят первом году, светофоры вообще были редкостью, – а по одному из них, он располагался у городского рынка, о, боже, даже ходили трамваи! У нас в подъезде, кстати, на первом этаже жил пожилой безногий дядя Гриша, он передвигался на дощечке с колесиками, отталкиваясь от земли дощечками, а для передвижения по городу имел автомобиль Запорожец, органы управления которым были приспособлены для безногих людей. Соседи говорили, что дяде Грише в молодости ноги отрезал трамвай.

Первые два месяца мама водила меня за руку, благо, что ее работа находилась буквально в двухстах шагах от школы. Вскоре, однако, я стал уговаривать мою дорогую мамочку вначале не доводить меня до школьных дверей, мне это было неприятно, поскольку в классе я очень скоро стал неформальным лидером, а затем и вовсе упрямил позволить ходить в школу самостоятельно. В общем, не прошло и полугода, как я, закинув ранец за спину, стал ходить на уроки сам.

Когда мама, будучи обеспокоенной, все-таки я был самым младшим в классе, спросила мою первую учительницу, как я справляюсь, та с каким-то тяжелым вздохом ответила:

– Не знаю, как учить его. Он – взрослый, и все давно понимает!

Кое-что я, в самом деле, понимал. К примеру, в шесть лет я прекрасно знал, что иногда между родителями что-то происходит в постели. Оно, это что-то, почему-то казалось мне очень постыдным и строго запретным, но не для папы, а для мамы. Сам не знаю почему, однако я был убежден, что после каждого такого тревожного шороха под одеялом и следующего вслед за ним монотонного скрипа дивана она будет меньше меня любить. Вот почему я плакал, слыша эти звуки, и не мог заснуть.

Она поднималась и подходила ко мне.

– Что с тобой, Валерик? Почему ты плачешь? Тебе плохо?

Мне, в самом деле, было плохо, однако я не знал, как обозначить причину. Было одно слово, которое я подцепил во дворе, однако мне было хорошо известно, что мама, услышав его, точно не обрадуется, а других слов, которые смогли бы выразить происходящее, не расстроив ее, тогда я не знал.

– Вы с папой...

– Что мы с папой?

– Вы... вы...

В общем, так и не нашел нужных слов, однако был точно убежден в том, что мама отдает свою любовь совсем не туда. Более того, она мне изменяет!

Я сразу выделился в классе тем, что умел читать. Такими были только я и еще одна девочка, Лиля Бедренко, однако не ей было суждено стать моей.

Физически я был развитее и выше всех. Мальчики класса все были какие-то щуплые и короткие. Тогда я еще не знал, какая засада меня ожидает!

Моральное превосходство над одноклассниками стало приятным дополнением к превосходству физическому, когда на вопрос учительницы Алевтины Григорьевны «Кто умеет читать?» я спокойно поднял руку.

Она улыбнулась.

– Ага, Тобольцев! Очень хорошо, Валера. Сейчас проверим!

Алевтина Григорьевна дала мне адаптированный для школьников отрывок из сказки Мамина-Сибиряка «Серая шейка», и я без труда прочитал его, правда, дважды не там сделал ударение и, кажется, один раз пропустил букву Ы. Что там рассказ! Дома я давно читал детский раздел ежевечерней городской газеты, напечатанный мелкими буквами. До сих пор помню, как он назывался, – «Ручеек».

Затем Лиля, поразмыслив, преодолела стеснение и тоже решила признаться, что умеет читать. Кто бы мог подумать, что стеснительная Лиля в четырнадцать лет свяжется с женатым мужчиной и, с трудом окончив седьмой класс, бросит школу.

Ей был дан другой отрывок, и она его прочитала, хотя медленнее, чем я. Вердикт учительницы был краток, однако, кажется, справедлив.

– Валера читает бегло, зато Лиля практически не сделала ни одной ошибки.

После этого меня посадили за одну парту с ней. Лиля явно была ко мне равнодушна, постоянно провоцировала внимание к себе, а если ничего не получалось, просто щипала за бока или лупила букварем по голове. Нам все равно пришлось учить азбуку вместе со всеми, чтобы закрепить свой навык чтения окончательно и без ошибок. Так решила Алевтина Григорьевна.

Вот мы и учили. Через месяц букварь Лили превратился в тряпку.

По сравнению с ушлыми дворовыми ребятами мальчики класса казались мне какими-то бледными, домашними, и я сразу завоевал авторитет, как самый большой, сильный и рассудительный. Во всех стычках побеждал я, игры придумывал я, ответы на все вопросы находил я, однако не в этом было дело.

После дворовой атмосферы, свободной от общения с девочками, в классе меня, прежде всего, поразило их количество и на первых порах крепко тяготило их присутствие. До этого они мне казались инопланетными существами, с которыми лучше не связываться, а теперь волею-неволей пришлось признать, что они тоже земные существа, надо иметь с ними дело и даже сидеть за одной партой.

Когда в класс впорхнула Она, припоздав на урок на полминуты (угораздило же ее!), мою голову вдруг озарила ранее неведомая вспышка. Классная комната стала такой светлой, словно в ней без преувеличения зажглось солнце или сверкнула молния.

Не скажу, что Она была красавица, – не очень высокая, однако изящная, не очень длинноногая, но с отменной фигурой, не с такими уж правильными чертами лица, зато с выразительными карими глазами, и темно-русые волосы не были пышными и впечатляющими, она просто стягивала их в аккуратный хвост на затылке. Как этот хвост сводил меня с ума!

Я увидел Ее и меня как будто потрянуло электротоком. Говорят, что Амур поражает сердца смертных людей своими стрелами.

Хм, да! Об Амуре я узнал из школьного учебника гораздо позже, когда мы проходили историю Древнего мира, тем не менее, могу твердо сказать, что тогда, в первом классе незримая жгучая стрела, в самом деле, пронзила мое сердце. Рана стала ныть, не заживая, и от этой боли не было лекарства.

Вспышка, которую я испытал, увидев Ее, была необыкновенной, больше в моей жизни при виде девочек, девушек и женщин такой мощной вспышки не случалось. Чем больше слушаешь взрослых, их оценку того, что есть любовь, тем вернее приходишь к выводу, что любовь – удел малолетних детей.

Не верьте тем, кто судит о любви, если она пришла к нему, как он считает, в пятнадцать. Он не знает, что такое настоящая и чистая любовь. Он забыл. Понятно, что о тех, кто якобы встретил любовь в более старшем возрасте, вообще говорить не приходится.

С тех пор все перевернулось. Я не шел в школу, а летел. Вот, наверное, радовалась мама, даже не подозревая, что не к сидению за партой я так несусь каждое утро. У меня от природы

скрытный характер, и по этой причине своими личными переживаниями я не считал нужным с кем-либо делиться, даже с мамой.

Каждый школьный день предвещал свидание с Ней! Лена – стало для меня именем богини. Я всерьез расстраивался, если ее не было в классе, что, впрочем, случалось редко, она практически не болела, занималась художественной гимнастикой.

Мы росли вместе, виделись почти каждый день, однако знакомства как такового не случилось. Легко было знакомиться с девочками, которые проявляли ко мне интерес, они как-то незаметно оказывались рядом на переменах, с ними шел оживленный диалог, мы что-то постоянно выясняли, я дергал за косичку, в ответ получал учебником по голове, и все становилось ясно и понятно, а с Леной было не так.

Не могу сказать, что она вообще не проявляла ко мне интереса. Как-то раз во втором классе она подошла на перемене и попросила посмотреть мой новый пенал, мне отец привез его из командировки, он светился рубиновым цветом и сквозь прозрачную крышку ручка и карандаши просвечивали весьма романтично. Кроме того, пенал был очень удобным, его содержимое крепилось внутри, и не гремело, когда я шел с ранцем за спиной. А все другие ученики и ученицы гремели ранцами при ходьбе.

Она спросила разрешения и пристально посмотрела мне в глаза, до сих пор меня охватывает сладкая дрожь, когда я вспоминаю тот ее взгляд. Она как будто вопрошала, только не меня, а себя, – неужели я посмею ей отказать? Другие девочки тоже просили, я им не отказывал, а ей?

Мои щеки вспыхнули, я мгновенно потерял дар речи, отвел глаза в сторону и поспешно кивнул, не сказав ни слова. Она, забыв обо мне, принялась с интересом рассматривать вовсе не меня, а мой пенал, а я вместо того, чтобы воспользоваться ситуацией и ближе познакомиться, встал из-за парты и гордо вышел из класса, всем своим видом демонстрируя неизвестно кому, в первую очередь, конечно, самому себе, что Котова меня не интересуется.

Получается, с самого начала я загнал себя в угол. Мне очень нравилась девочка, я буквально страдал и каждый вечер перед сном утопал в эротических мечтаниях, где я и она, словно античные боги, действовали обнаженными. Сюжеты всегда заканчивались тем, что я неизменно спасал ее от коварных злых сил, и получал в награду сладкий как малина с медом поцелуй в губы.

Короче говоря, выходило, что я действовал лишь в мечтах, а в реальность возвращался, чтобы страдать. Как выпутаться из этой ситуации, мне было совершенно непонятно!

Я много думал о том, как сердечное страдание превратить в удовольствие реального общения. Сия тайна за семью печатями крепко тяготила, хотя в то же время вряд ли я на самом деле желал ее разрешения. Кажется, я подсознательно боялся, что реальное общение разрушит сладостный образ. Да и зазорно дружить с девочкой, – проклятая установка пацанского двора оставалась в силе.

Общаться с одноклассницей было позорно, – вот в чем состояла проблема. Так было принято во дворе, так складывалось в школе, а дерганье за косички и насмешки – всего лишь проявление именно такого отношения. С девочками серьезно общаться невозможно!

С этого все началось. Вместо того, чтобы подружиться с той, которая нравится, я демонстративно игнорировал ее, а исподтишка затравленно бросал страдальческие взгляды.

Глава первая

До четвертого класса я оставался самым сильным. Сам первым не нападал и не ссорился, однако те мальчики в классе, кто пытался задеть меня, – наверное, мой несколько высокомерный вид их раздражал, – неизменно оказывались согнутыми в бараний рог. Излюбленный мой прием – захват шеи сгибом локтя был неотразим, а моя левая рука неизменно оказывалась сильнее правых рук моих противников. Они пытались сделать захват шеи слева, потому что были правши, а я, будучи левшой, захватывал их справа, что было неожиданно, поэтому сгибал всегда даже самых упрямых. Некоторые плакали, – не от боли, нет, – от горечи поражения. А мне оно было незнакомо, и я равнодушно взирал на их слезы, не зная еще, что мне готовит переменчивая судьба. Тогда мне казалось, что мои яркие победы будут всегда!

Я понял, что являюсь левшой, когда мне было пять лет, тогда я гостил у бабушки с бабушкой, – приемных родителей отца, – в небольшом городе на границе с Китаем. Незнакомые мальчики на улице поспорили, кто добросит камень до глубокой лужи, разлившейся по грунтовой дороге шагах в тридцати.

Чьи-то камни изредка долетали и булькали в воду, но все остальные плюхались в грязь гораздо ближе. Все мои соперники были старше меня, однако я поддался духу соревнования и принялся с энтузиазмом бросать камни.

Мальчики этого провинциального городка были крепкими и закаленными. Они росли на свежем воздухе, и в отличие от большого города, в котором рос я, где все приходилось покупать на рынке, фруктов и овощей здесь было в изобилии, – у каждого имелся под рукой сад и огород. Понятно поэтому, почему я не рассчитывал на победу, тягаться с ними было явно не по плечу, однако испробовать себя очень хотелось, и в глубине сердца теплилась надежда, – а вдруг повезет?

Напрасно я надеялся! Меня настигло ужасное разочарование, и слезы выступили на глазах, – мои камни неизменно падали на дорогу буквально в нескольких шагах от меня, и я, как ни старался, не мог швырнуть их дальше! Мне подумалось так, – бросаю последний камень, и если позор повторится, немедленно ухожу.

Весь в слезах, я схватил первый попавшийся под руку голыш и, круто развернувшись, изо всей силы кинул его. Дальше случилось чудо! Я не поверил своим глазам.

Мой камень улетел далеко за лужу, туда, куда, никто добросить не мог. При этом я стоял позади них, и был гораздо дальше от лужи, чем они.

Мальчики изумленно повернулись ко мне, прекратив соревнование. Они заметили и оценили мой бросок, а я стоял посреди дороги, как громом пораженный, и долго ничего не мог понять.

В конце концов, с триумфом я отправился домой, и лишь подойдя к самым воротам, вдруг понял, в чем заключался секрет. Посмотрев на руку, которая так ловко швырнула победный камень, я вдруг почти с ужасом осознал, что она – неправильная рука!

В изумлении застыв у ворот дедушкиного дома, я с глубочайшим почтением смотрел на свою, казалось бы, обычную с виду левую ладонь. Все ребята сжимали камень в правой руке, и мой отец учил меня бросать правой, – кстати, мне долгое время не удавалось запомнить, где лево, где право, – а я, отчаявшись и забыв о том, как меня учили, кинул, как придется, то есть так, как было в тот момент удобнее. Вот так мне довелось узнать свою особенную силу и непохожесть на других.

Вообще, с левой рукой у меня связано много различных воспоминаний. Я долго ел, держа ложку в левой руке, и родители, как ни старались, не могли отучить. В детском садике я рисовал, держа карандаш в левой руке, и воспитательница, душевная вроде бы женщина, так мило мы с ней распрощались, когда настало время покинуть это милое детское учреждение, почему-

то сильно из-за этого раздражалась. Она с чувством стучала костяшками пальцев по моей стриженной голове, и было так больно, что слезы катились по щекам.

– У, упрямый!

Она неизменно выдергивала карандаш из левой руки, перекладывала в правую руку, однако я не мог рисовать правой рукой, – получались какие-то ужасные каракули. Я снова попытался рисовать левой, и все повторялось сначала. Хватало же ей терпения!

– У, головастый...

Я впадал в ступор, и слезы непонимания снова текли по щекам. Мне было совершенно невдомек, в чем я провинился, почему она зовет меня бессовестным мальчиком, почему не дает рисовать так, как я могу и главное, хочу.

Правда, один примечательный случай перевернул ее отношение ко мне. Она стала практически моей старшей подругой после того, как буквально за минуту я решил один весьма неприятный для всех вопрос.

К нам пришел новенький. Надо сказать, что нам тогда было по пять лет, однако наша жизнь буквально кипела, как в светском обществе Петербурга времен Александра Грибоедова. Девочки влюблялись, задирались к тем, кто им нравился, мальчики выясняли отношения по поводу игрушек, и флиртовали с девочками во время тихого часа, когда, вообще-то, официально всем было положено спать.

А с новеньким не было никакого слода, он отбирал игрушки не только у мальчиков, но и у девочек, они плакали, воспитательница журила его, а он продолжал делать по-своему, не обращая внимания на замечания и наставления. Когда он в очередной раз отобрал новую и красивую игрушку у какой-то девочки, и она заплакала, я подошел и попросил его отдать игрушку. Вместо ответа, он, насупившись, грозно двинулся на меня, как видно, решил испугать.

Страх, конечно, мог появиться, он был выше меня ростом, наверное, на полголовы. Недолго думая, сам не знаю, как так получилось, я ударил его левым кулаком в солнечное сплетение. Никто меня не учил, я тогда вообще не знал, что такое солнечное сплетение, где оно находится, и как туда надо бить.

Он схватился за живот, ужасно согнулся и стал беспомощно открывать рот, при этом его лицо страшно побелело. Воспитательница и нянечка никак не могли понять, что с ним. Вызвали скорую помощь, врачи долго приводили забияку в чувство, затем прибыла его мама и увезла домой.

Девочки шепотом рассказали воспитательнице, что случилось, и она не знала, что со мной делать. При всех она журила меня, а когда мы оставались одни, неизменно шептала на ушко хвалебные слова. Маме она все рассказала и попросила меня не наказывать, помню, что какое-то время мама смотрела на меня так, словно увидела не своего сына, а какого-то совершенно незнакомого ей ребенка.

Больше наш новичок ни к кому не приставал, стал тише воды и ниже травы. С ним никто из детей не общался, и вскоре родители перевели его в другой детский сад.

Я сам не знаю, как у меня так выходило. Как-то раз во дворе взрослые пацаны, им было, наверное, лет по четырнадцать, играли за столом в карты, а мы, мелюзга, толклись рядом у входа в беседку.

Мне было лет шесть, наверное, я был самым младшим из всех, и меня задел мальчик, которому было лет девять, не меньше. Он внезапно прицепился ко мне, стал прогонять, мотивируя тем, что я еще маленький, и мне здесь делать нечего.

В ответ я схватил его за рукава рубашки и бросил через бедро так, что его ноги мелькнули в небе. Эффект был такой, что взрослые пацаны бросили карты и столпились вокруг.

– Ты даешь, пацан! Откуда приемы знаешь? Покажи еще!

Однако я сам не знал, откуда знаю приемы, специально для них ничего показать не смог, и они мгновенно утратили ко мне интерес. С тех пор я считаю, что приемы борьбы имеют какое-то мистическое значение.

Подростками мы их усиленно изучаем, и все равно получается как-то искусственно, надуманно, – в нужный момент ты забываешь, что надо делать, потому что вместо того, чтобы делать по наитию, вспоминаешь, чему тебя учили, упускаешь время, и твои намерения становятся понятны противнику.

А в шесть лет никто ничему меня не учил, тем не менее, я откуда-то знал, как следует перемещаться на поле боя, пусть с игрушечным, но оружием, и как бросать грозного и более сильного врага через бедро. Потом, когда подрос, все эти интуитивные знания ушли, растаяли и забылись, словно я вылупился из одного яйца, оказался в другом, совершенно новом, а разбитые скорлупки старого яйца унесли с собой все мои прежние знания и навыки.

Дед, приемный отец моего папы, – родной папа моего отца погиб на фронте в сорок третьем году под Изюмом, – приучил меня держать ложку в правой руке. Он не стучал по моей лобастой голове костяшками пальцев, не обзывал, не читал нотаций и не повышал голос. Он просто объяснил, что ждет меня в ближайшем будущем, если я буду продолжать держать ложку в левой руке.

– Вот придешь в гости, сядешь за стол, возьмешь ложку, чтобы поесть, и будешь толкать локтем соседа. Хочешь, чтобы все обращали на тебя внимание и смеялись?

Больше всего на свете я боялся тогда, да и сейчас тоже, стать посмешищем в глазах других, вот почему мгновенно приучился держать ложку в правой руке. А ручку, придя в школу, благодаря урокам упомянутой воспитательницы, я держал с самого начала в правой руке, хотя почерк был не очень хороший, может быть по этой причине.

В общем, первый звончок прозвенел в четвертом классе, когда к нам пришел новенький, его звали Юрка Знашев. До его прихода я был выше всех одноклассников, лишь некоторые девочки, – Лиля Бедренко и Света Ребрихина, – были немного выше меня.

С появлением Знашева я перестал быть выше всех мальчиков. Он был почти на полголовы выше, наверное, поэтому сразу же повел себя довольно нахально. Конфликт витал в воздухе.

У меня в классе были искренние, как мне тогда казалось, друзья – Славка Самолов, Сергей Жуйга, Альмурат Битегенов, однако были и тайные недруги, например, Бахыт Шилтобаров. Недруги в открытый конфликт не вступали, однако было очевидно, что втайне они очень хотели, чтобы кто-нибудь унизил меня.

Свои нереализованные амбиции они срывали на Юрке Бяшине, который славился мелкими, однако совершенно безобидными пакостями, и совершенно ничего не понимал ни по одному школьному предмету. У него были выразительные большие глаза-сливы, а сам он был толст и рыхл, как кусок сырого теста, неуклюж, и все делал невпопад. В отличие от некоторых, кто явно издевался над ним, я лишь выговаривал ему, когда он, в самом деле, доставал своим разгильдяйством.

Меня впечатлило, когда Лена Котова вступилась за него, и даже на перемене сделала за него домашнее задание, чтобы плюс ко всему он не получил нагоняй от нашей учительницы. Как я случайно узнал во втором классе от Лили Бедренко, с которой тогда сидел за одной партой, Алевтина Григорьевна приходилась Котовой родной бабушкой и фамилия у нее тоже была Котова. После того, как Лена заступилась за Бяшина, я тоже стал защищать его от нападок пацанов, чем, кажется, пробудил к себе ее интерес, который, однако, следуя своей тактике, якобы не заметил.

Альмурат поражал своей интеллигентностью, был худ и слаб физически, и помню, что во втором классе произошло какое-то недоразумение, он попал под мою горячую руку, но пытался сопротивляться, и я помял его хорошо. Никогда не забуду его крупных горьких

слез! Мне стало его очень жалко. С тех пор мы никогда не ссорились и сделались закадычными друзьями. Он принес в класс книгу специально для меня, кажется, это были сказки, она была написана таинственной вязью, и он читал ее свободно, только не слева направо, а справа налево. Именно тогда от Альмурата я узнал, что, оказывается, существует еще один язык – арабский, совершенно загадочный и непонятный, и что есть такой древний народ – уйгуры.

Сергей Жуйга в конфликт со мной никогда не вступал. После моих стычек с наиболее вспыльчивыми одноклассниками, он сразу занял мою сторону и стал моим другом. Какова цена такой дружбы, я понял гораздо позже, а тогда он запомнился лишь тем, что подвел меня под неприятность.

Когда мы оканчивали первый класс, его обидел один юркий и дерзкий второклассник, который был ниже и хуже меня. Жуйга нашел нужные слова, в них, конечно, сквозила лесть, мол, мне не составит труда разобраться с обидчиком, однако на деле все получилось наоборот.

Вдохновленный лестными оценками моей силы, однако с каким-то нехорошим предчувствием в груди, в коридоре школы на перемене мне с помощью Жуйги удалось перехватить обидчика, который оказался весьма прытким и смышленным малым. Я попытался ему объяснить, что обижать младших нехорошо, однако он не стал со мной разговаривать, вместо этого совершенно неожиданно нанес несколько чувствительных пинков под зад. Этот чернявый малыш удивительно виртуозно владел ногами, да и язык у него, как выяснилось буквально через секунду, был подвешен неплохо. Он весьма крепкими словечками очень убедительно разъяснил мне, что Жуйгу он наказал за дело, а я сую нос не туда, куда следует. После этого я не смог вымолвить ни слова, и ушел, как оплеванный.

Жуйга наблюдал нашу стычку издали, и мой авторитет в его глазах пошатнулся, а я с тех пор зарекся влезать в разборки, причины которых мне не ведомы. Вначале следовало разобраться, что произошло, почему Жуйга получил взбучку, убедиться, что дело правое, и тогда лезть в драку. А я пошел испугать своим видом, прельщенный оценками Жуйги, однако щуплый с виду второклассник не испугался. Мы сошлись с Жуйгой на том, что по комплекции наш противник был слабее, однако старше на целый год, и это сыграло роль.

Короче говоря, авторитет следовало постоянно поддерживать, и я поддерживал, как мог, в этом не было ничего искусственного, я ничего не планировал, не интриговал, просто делал по наитию, как считал нужным. Во втором классе, например, на переменах мы часто стояли в коридоре, прижавшись спиной к стене, а мимо шли потоки школьников и школьниц, шум при этом стоял невообразимый.

Один задира из параллельного класса повадился неожиданно толкать тех, кто стоял, упершись спиной в стену. Все, естественно, падали от неожиданности, как кегли, что чрезвычайно его забавляло. Как-то раз он толкнул меня, однако я устоял на ногах и так толкнул его в ответ, что он налетел на мальчика, который находился возле него слева, а тот в свою очередь, упал на соседнего мальчика. Получился эффект домино, и все школьники, кто стоял, прислонившись спиной к стене, их было человек восемь, опрокинулись вбок, упали на пол и ушиблись. Все решили, что инициатор я, и возмущенно двинулись на меня, у некоторых даже слезы стояли на глазах, так больно они упали. Мне в довольно жесткой форме пришлось объяснять, кто на самом деле мешает всем спокойно стоять у стены. После этого этот задира, присмирив, не толкнул никого ни разу и вообще навсегда забыл о своем опасном развлечении, а, кроме него, никто больше так не делал.

Именно тогда меня стал мучить вопрос, почему есть такие мальчики, которым неинтересно? Им хочется не просто играть, а подставлять. Выигрыш в честной игре им совершенно не интересен, зато доставляет наслаждение удар исподтишка, когда другие валяются и бьются, а они к этому как будто не причастны. Этот вопрос остается для меня открытым до сих пор, только теперь он по большей части касается взрослых мальчиков с сединами в волосах.

Глава вторая

Однажды ранней весной после уроков мы играли в войну с мальчиками параллельного класса. В конце концов, мы погнали их, однако они перебежали через дорогу, она проходила у школы, в то время машины по ней ездили редко, забрались на небольшой холм из льда, который сгребла с дороги снегоуборочная машина, и стали дружно кидать в нас льдинами, не давая приблизиться. Куски льда были такими тяжелыми, что, наверное, могли сбить с ног, если бы попали в голову.

Никто из моих пацанов не решался перейти в наступление, тогда я, прорывав что-то нечленораздельное, ринулся вперед. Лед свистел в воздухе, от одного куска я увернулся, убрав голову, а второй с лету ударил прямо в челюсть, да так, что у меня искры из глаз посыпались, однако я не подал вида, и, стиснув зубы, проскочил опасный участок. Наши противники мгновенно сникли, их артиллерийский огонь ослаб, и мои пацаны кинулись следом за мной. Мы взяли первую в нашей жизни боевую высоту, а наши враги позорно бежали.

Конечно, мы не представляли себе, что такое настоящая война, однако очень скоро мне довелось сравнить то, что сделали старшеклассники нашей школы после начала войны, с тем, что сделали старшеклассники – мои современники. Тогда в глубоком детстве год разницы в возрасте казался целой жизнью, и на старшеклассников мы, первоклашки, взирали как на небожителей.

Однако в тот раз вместо почитания пришло тягостное чувство недоумения. Наша школа была построена до войны, ее уютное двухэтажное строение, положенное буквой Г, радовало глаз, также впечатляло крыльцо – настоящий римский портик с колоннами. Карниз был украшен лепниной, а вокруг школы были устроены два двора, внешний и внутренний, к тому же еще разбит небольшой парк, который за прошедшие с момента строительства сорок лет значительно разросся.

Сразу же после начала войны с гитлеровской Германией все мальчики – выпускники десятого класса, их было около тридцати человек, добровольцами ушли на фронт, а домой после окончания войны вернулись единицы. В школьном парке в память о них был сооружен гранитный монумент выше человеческого роста, на котором были выбиты слова «Никто не забыт, ничто не забыто» и годы войны «1941 – 1945».

С самого первого класса, едва начав учиться, я часто останавливался у этого памятника, читал по слогам весомые слова и думал над их смыслом. Монумент производил таинственное впечатление, хотелось его потрогать, и я касался гранитной поверхности с величайшей осторожностью.

Как-то раз ранней зимой выпал свежий мокрый снег, и старшеклассники выскочили в парк размяться в перерыве между уроками, а я, второклашка, шел домой, у нас занятия закончились. Наши небожители вначале кидались снежками друг в друга, а затем принялись бросать их в памятник погибшим воинам, соревнуясь, кто точнее попадет.

– А теперь в букву О!.. Я попал, а ты?.. Мазила!

Тогда я вдруг понял, почему мне было не очень интересно ходить в школу. Формально-то она учит, вот только чему?

Думали ли старшеклассники сорок первого года, уходя на фронт, что старшеклассники их родной школы семьдесят второго года, то есть всего-то через тридцать лет, будут кидать в их память мокрыми снежками? С каждым брошенным в памятник снежком мои старшеклассники-небожители безрассудно выбивали себе мозги.

Знашев продолжал лезть на рожон, остальные одноклассники выжидали, связываться со мной в открытую не хотели. Среди них дипломатичностью и рассудительностью выделялся Андрей Лизин, начитанный как Знайка из известной повести Носова.

А Сергей Небсоров запомнился удивительной беззлобностью и безобидностью, он не был амбициозным совершенно. У него постоянно текло из носа, что в четвертом классе периодически вызывало истерики у нашей учительницы русского языка.

После трехлетки, когда Алевтина Григорьевна выпустила нас, система обучения изменилась, теперь у нас по каждому предмету появился свой учитель, и мы переходили из одной классной комнаты в другую в зависимости от того, какой сейчас урок.

Нашим классным руководителем стала Варвара Павловна, учитель математики, строгая, сухая, однако чрезвычайно душевная женщина с богатым жизненным опытом. К этому моменту Небсоров проявил нешуточный интерес к физической стороне половых отношений.

В четвертом классе он притащил довольно качественные порнографические фотокарточки (где он только их раздобыл?), и все мальчики рассматривали их на перемене, столпившись у задней парты в дальнем углу класса, где всегда любил сидеть Сергей.

Его любимым развлечением было подбрасывать наиболее колоритную фотокарточку какой-нибудь девочке, которая была, по его мнению, симпатичной, и наблюдать за ее реакцией. В конце концов, все закончилось тем, что Варвара Павловна обнаружила у него запретные фотографии, разорвала их на мелкие кусочки и пригласила родителей Сергея в школу, не знаю, впрочем, как прошел с ними разговор, и явились ли они вообще.

Так вот, как я говорил, в четвертом классе, когда к нам пришел Знашев, соотношение сил изменилось. Мои недруги, затаив дыхание, ждали, что будет.

Конфликт, в самом деле, случился, и Знашев вызвал меня на дуэль на перемене, когда все вышли из класса, чтобы проветрить помещение. Он был выше меня, и подобраться к его шее было не так-то просто.

Когда я попытался захватить его сгибом локтя, он вдруг порхающим мотыльком отскочил назад и стал выбрасывать вперед ноги, целя мне в голени. А я в ответ стал как будто исполнять танец, – подпрыгивал, раздвигал и сдвигал ноги, – и он никак не мог попасть мне носками ботинок по голени, что меня чрезвычайно забавляло.

Драка превратилась в игру. Он кусал губы и упорно силился попасть.

Наконец, ему это удалось. Пару раз он, в самом деле, попал, и мое тело пронзила острая боль, однако я не подал вида, и вообще перестал убирать ноги из-под его ударов.

– Давай, бей! Чего замер?

Он продолжил иступленно бить меня носками ботинок по голени, а я стоял и смеялся, делая вид, что мне не больно. В этот момент прозвенел звонок на урок, и наша стычка закончилась. После этого мы с ним не конфликтовали, – сохраняли нейтралитет. Он подтрунивал над девочками класса, одноклассниками, однако меня его язвительность обходила стороной. Он, кажется, понял, что со мной лучше не связываться.

Я по-прежнему оставался лидером, хотя, кажется, Знашев один из всех никогда со мной не играл и не воспринимал меня в таком качестве.

Иногда мы с одноклассниками оставались после уроков и играли, например, в снежки по особым правилам, которые придумал я. Две команды прячутся за деревьями в парке перед школой, а снежки надо бросать как гранаты, стараясь не в человека целить, а рядом, чтобы поразить воображаемым взрывом.

Если снежок падал ближе двух шагов, то «взрыв» достигал цели. Если кто-то ловил снежок, в него брошенный (случалось и такое!), он мог в течение четырех секунд бросить его обратно, словно у него в руках была настоящая граната. Иногда наши баталии проходили довольно интересно.

Весной, когда снега не было, мы брали из палисада комья сухой земли, однако кто-то пожаловался директору школы, и нам пришлось прекратить, да и занятия в школе скоро подошли к концу, мы окончили четвертый класс и сфотографировались на память. Моя густая шевелюра с чубом была красивее всех мальчишеских причесок. По крайней мере, так мне

тогда казалось. Впрочем, не только мне одному. Совсем несложно было понять, что многие девочки класса обращали на меня внимание, и больше всех, как было очевидно, Наташа Кузачева, однако я продолжал применять свою излюбленную тактику, – искусно делал вид, что ничего не замечаю.

Лена Котова тоже проявляла какой-то интерес, однако я никогда ничего у нее не спрашивал и ею совершенно не интересовался, хотя, на самом деле, внутри все содрогалось от страсти. Похоже, я боялся своих собственных чувств и не знал, как с ними быть. К такому взрослению я был совершенно не готов, и никто мне не подсказывал, а сам я спрашивать стеснялся. Родители и учителя, кажется, вообще не догадывались, что со мной происходит. Мне нужна была помощь, и в то же время я ее чурался, желая найти решение самостоятельно.

Каждый день в школе был настоящим блаженством, потому что я видел Лену, и это была настоящая жизнь! А учеба особого интереса не вызывала, потому что, как я говорил, в ней не было главного – игры.

Официоз и строгость вызывали неприятие, которое безоговорочно подавлялось словом «надо», в то же время подкреплялось увещеваниями, больше похожими на запугивание, – кто не будет учиться, пойдет в специальную школу, а там даже пикнуть не дадут, и так далее. Не помню, чтобы кто-то из учителей в тот период искренне спросил кого-то из нас, кем он хочет быть, чем хотел бы заняться, к чему лежит душа, и внимательно выслушал ответ. Учителя постоянно куда-то спешили.

Дома я увлеченно рисовал, а на уроках рисования неизменно получал четверки и даже тройки, что чрезвычайно удивляло отца. Он был свидетелем, как я с раннего детства мог сидеть вечерами напролет и увлеченно рисовать какие-нибудь воображаемые баталии цветными карандашами или просто шариковой ручкой.

Во втором классе я стал писать стихи и рассказы, в четвертом классе написал свою первую повесть «Сын партизана», однако уроки литературы не вызывали никакого интереса, а написание сочинений на заданную тему превращалось в пытку. Вот почему единственным солнечным лучиком в довольно серых школьных буднях была Она – Лена Котова. А после четвертого класса мой папа поступил в академию, и мы всей семьей уехали в Москву.

Последним уроком в том памятном учебном году был урок физкультуры, он проходил на свежем воздухе в школьном дворе, покрытом асфальтом. Учителями физкультуры у нас в школе в то время были исключительно мужчины, они постоянно менялись, я запомнил лишь одного, который серьезно прививал нам навыки спортивной гимнастики. Он выделил меня из всех, – я четко и вдохновенно делал упражнения на брусьях, – и предложил прийти во Дворец спорта, там как раз набирали в секцию способных десятилетних мальчиков. Я отказался, поскольку гимнастика показалась мне скучной, – гораздо увлекательнее был баскетбол, а еще интереснее было играть с пацанами во дворе.

К концу четвертого класса тот учитель ушел, на смену пришел другой, ему, кажется, все было до лампочки, и он явно имел какие-то свои интересы. Помню, на одном из вечеров, который устроил директор школы по какому-то случаю, я видел, как он в своем физкультурном костюме, сквозь который рельефно проступало его тугое мужское тело, настойчиво приставал в школьном тамбуре к нашей учительнице русского языка и литературы. Он властно тискал ей запретные места, топорща юбку и расстегивая кофту. Меня поразили вовсе не тайна сексуальных отношений и не тот напор, с каким он посягал на сокровенные места на теле женщины. В том возрасте у мальчиков совсем другое мироощущение, им интересно играть в войну, а приставать к девочкам противно.

Я буквально изумился тому, что наша холодная как лед и вечно недовольная бледная и сухая учительница русского языка и литературы раздумянулась, похорошела и стала похожа на живую и довольно очаровательную женщину. Она пыталась вырваться, а на самом деле таяла в его горячих мускулистых руках как Снегурочка в объятиях жаркого арабского джинна.

Короче говоря, он кинул нам баскетбольный мяч и разрешил играть, во что пожелаем, сам ушел якобы готовить какой-то документ, а, скорее всего, точить лясы в учительской с очередной привлекательной юбкой. Литературное название этой игры в мяч, я не знаю, поэтому назову ее «выбивалами».

Мы играли парами, одна вставала напротив другой, а между был тот, которого следовало выбить. Мяч можно было кидать прямо в него или хитрить, пытаясь попасть на отскоке от асфальта, что было сложнее, зато неожиданнее. Если ему удавалось поймать мяч, он выигрывал.

Получалось, что в паре каждый поочередно бросал мяч, пытаясь выбить того, кто находился в центре. Если мяч не попадал, его подхватывал кто-то из пары напротив, и снова бросал.

Так продолжалось долго, если тот, кто был мишенью, проявлял ловкость. Чтобы выбить его, парам следовало действовать быстро, кидать мяч точно и не раздумывая, так чтобы «мишень» не успела вовремя среагировать.

К тому времени Лена вытянулась, стала еще более стройной, – занятия художественной гимнастикой, к которой ее приобщили родители еще до школы, как видно, не прошли даром. Она ловко увертывалась от мяча, и никто не мог выбить ее.

Настала наша с Самоловым очередь. Мы встали в пару, а напротив встали Шилочкина и Кузанова. Выбить следовало Лену, поскольку никто из предыдущих пар не сумел этого сделать. Кузанова очень хотела выбить Котову, однако все время не попадала.

Мяч Самолова бил, словно пушечное ядро, однако каждый раз каким-то чудом Лена успевала увернуться. Шилочкина хитрила и намеренно не выбивала свою лучшую подругу, – все время кидала мимо или явно показывала ей, куда собирается бросать.

Наконец, настала моя очередь. Я вспомнил свой коронный прием, когда играл в баскетбол, – смотрел в одну сторону, а мяч бросал в другую. Поймав Лену боковым зрением, я замахнулся, чтобы бросить туда, куда якобы смотрю, а сам бросил левее. Лена попала на удочку. Она отскочила как раз туда, куда я коварно бросил мяч, он слету попал ей прямо в живот.

Баскетбольный мяч – не надувной шарик, у Лены на глазах выступили слезы, однако она мужественно стерпела боль, – чувствовалась суровая гимнастическая подготовка. Через силу улыбнувшись и не сказав никому ни слова, даже Шилочкиной, она ушла домой. Шилочкина подарила мне прекрасный взгляд, в котором читалось, кажется, только одно чувство – ненависть, и с того дня я не видел своих одноклассников два года.

Глава третья

До седьмого класса мне было достаточно понятно, как следует жить. Я никогда не строил долгосрочных планов, просто знал, что я не такой, как все, так будет всегда, и в этом мое счастье. То, что подходит всем, не подходит мне, в этом я был убежден, потому что моя жизнь, как я пытался показать выше, постоянно посылала мне подтверждения этого. А то, что держать ложку я все-таки стал в правой руке, еще ни о чем не говорило. Просто мой дед сыграл на обычном страхе ребенка, который, как правило, не желает, чтобы на него показывали пальцем.

Будучи взрослым дядей, я как-то оказался за праздничным столом в тесной комнате, сидеть пришлось в какой-то нише и, если бы я ел, держа ложку в правой руке, то постоянно толкал бы локтем соседа справа. Вот когда пригодилась моя левая рука!

Теперь я беру ложку в ту руку, в какую на данный момент хочу, и с удивлением замечаю, что все чаще ем левой рукой. Мне хочется брать ложку в левую руку, и никто, даже английская королева на приеме в Букингемском дворце не посмеет обращать на это внимание.

В августе перед началом учебного года отец окончил академию, мы вернулись из Москвы в наш город, мне предстояло идти в седьмой класс, и я предвкушал встречу со своими одноклассниками. Мы не виделись два года!

Первым звончком судьбы была реакция Самолова, – он скорее удивился, чем обрадовался. Прибыв в родной город, я первым делом позвонил ему домой.

Начало разговора было эмоциональным.

– О, привет!

Мы коротко поговорили о том, о сем, а затем я вдруг услышал в свой адрес плохо скрытое колкое замечание.

– Чего ты вернулся в эту дыру?

Такой вопрос мгновенно поставил меня в тупик. О Москве Самолов говорил с придыханием, однако меня столица нисколько не прельстила за те годы, что я жил в ней.

Конечно, Кремль, Красная площадь, Детский мир с замечательными игрушками и все такое, однако в остальном она напоминала бездушный заасфальтированный муравейник, в котором массы рассеянных существ постоянно спешат куда-то, словно заводные ходячие механизмы. Споткнешься, упадешь на мостовую, и, кажется, все равно никто не заметит, все будут продолжать мчаться мимо. Я не мог понять, чем так Самолову приглянулась Москва!

– Слава, папе предлагали остаться в столице, однако я мечтал о том, чтобы вернуться, потому что здесь ты, здесь наше детство, наш класс.

О Котовой я, естественно, умолчал.

– Детство? Хм, и что дальше? Нет, Вал, все-таки зря ты вернулся!

Он с детства звал меня Валом, в этом обращении всегда сквозило уважение, а теперь как будто что-то треснуло в его уважительной интонации, проявилось явное непонимание и даже насмешка.

– Слушай, Славка, ты как будто не рад, что я вернулся!

– Не рад? Да нет, рад, конечно. Просто здесь отстой, ничего не светит. Ладно, замнем для ясности. Мы в футбол играем во дворе за нашей школой, знаешь? Приходи к трем часам.

Вся моя уверенность куда-то мигом улетучилось. Славка говорил как взрослый, а я еще оставался в своих детских мечтах.

В Москве мы с ребятами-одноклассниками целыми днями пропадали на дворовом стадионе. Я пристрастился к футболу, а зимой мы играли в хоккей на школьной коробке с хорошим льдом, у меня была хорошая клюшка, шлем и краги. Не знаю, то ли мое увлечение футболом и хоккеем сыграло какую-то роль, то ли переезд, стрессы, болезни, или новый климат, – в Москве по сравнению с нашим городом было гораздо меньше солнца, а овощи и фрукты мы

покупали исключительно в магазинах, – однако что-то случилось с моим ростом. Может быть, сказались стесненные жилищные условия, – нам приходилось снимать однокомнатную малогабаритную квартиру. Единственная комната была и родительским рабочим кабинетом, – мама как раз тоже поступила в московскую аспирантуру, – и спальней, и гостиной, к отцу чуть ли не каждую неделю приходили друзья-однокашники по академии и засиживались допоздна.

Жизнь не идет по плану. Тот, кто пытается подогнать ее под свои лекала, напрасно тратит время. Трепетное отношение к своим целям, завышенные ожидания приносят одни лишь разочарования, в этом я убедился не сразу, а пройдя через то мое первое испытание, которое подготовило мне жизнь, если не считать тяжелых болезней.

До отъезда в Москву все четыре школьных года я буквально царил в классе. Теперь мое превосходство испарилось и вернулось унижениями от тех, кого я давил своим авторитетом и вызывал страх и зависть.

Короче говоря, я, тринадцатилетний подросток, оказывается, выглядел еще совсем мальчиком, у которого, скажем так, вторичные половые признаки пока что совершенно не проявились. В условленное время я пришел на футбольную площадку и буквально оторопел.

Меня встретили вовсе не те худосочные друзья, которые четыре года школы смотрели на меня снизу вверх, а настоящие дяди, – длинные, плечистые с вполне сформировавшимися мужскими лицами и огромными руками и ступнями. Они все были выше меня ростом на целую голову, и, как баскетболисты на обыкновенного человека, или, точнее сказать, олимпийские боги на простого смертного, с неподдельным удивлением воззрились на меня сверху вниз.

– Вал, это ты?

В этот день моя жизнь перевернулась вверх дном. Я, честно говоря, не знал, что им ответить. Язык без преувеличения присох к небу.

Передо мной непринужденно стояли взрослые парни, к которым я никогда не подошел бы на улице, как к сверстникам, полагая, что они старше меня, как минимум, на пять лет.

– Ты чего такой бледный? А чего такой маленький?

Я с трудом выдавил из себя:

– А вы чего такие огромные?

Они заржали как молодые жеребцы.

– Да нормальные мы! Ладно, пошли.

Настроение у них заметно улучшилось, а мне играть расхотелось. Я был, в самом деле, убит, раздавлен, уничтожен. Такого сюрприза я никак не ожидал! В Москве лишь два мальчика в классе были длиннее меня, остальные имели сходную комплекцию или были меньше. Я не мог понять, почему мои сверстники из моего города так разительно выросли за каких-то два года. В тот день я, кажется, в самом деле, готов был пожалеть о том, что возвратился в свой класс, лишь мысли о Лене по-прежнему придавали мне мужества. Я должен ее видеть каждый день, поэтому я должен учиться именно в этой школе и именно в этом классе! Я люблю ее, теперь я был в этом убежден, и не верил, что судьба в ответ на мое горячее искреннее чувство ответит гадостью.

В Москве я неплохо научился играть футбол, даже участвовал в чемпионатах района, однако мои повзрослевшие сверстники брали не ловкостью и финтами, а физической силой. Пару раз они хорошо меня уронили, как видно, чтобы убедиться, что тот их Вал, которого они уважали и даже опасались, теперь стал совершенно никаким – бледный головастый мальчик, задержавшийся по неизвестным причинам в доподростковом периоде.

Гол, который мне удалось все-таки забить, несмотря на синяки и ссадины, не изменил их пренебрежительного и одновременно озадаченного отношения ко мне. Своей внешностью, голосом и интеллигентной манерой разговора я удивил их не меньше, чем они меня. Матерные слова я не употреблял, и их это крепко сместило.

– В самом деле, ребенок какой-то!

После футбола Знашев с солидным видом, словно прожил большую жизнь, достал сигаретную пачку и предложил всем закурить, я отказался, в пятом классе пробовал, однако мне не понравилось. Другие тоже отказались, а Самолов и Знашев деловито вставили сигареты в рот и задымили, совсем, как взрослые, однако в отличие от Знашева Самолов хитрил и не затягивался, как видно, берег здоровье и всего лишь делал вид, что курит за компанию, чтобы «не выглядеть дитем».

Знашев повел взрослых, по его мнению, разговоры, мол, какие сигареты и какой портвейн лучше, потом перевел тему на местное население и стал ругать его за тупость.

– Кругом все поры заплонили, ничего не соображают, только, выпятив губу, указания раздают. Месить их надо! Дурак ты, Вал, что сюда вернулся. Здесь – одна сплошная порнография, и лучше не будет.

Так, – подумалось мне, – начались нелюбезные оценки! Никогда никто из моих друзей не называл меня дураком. Во мне все закипело, мой мир перестал быть моим миром, он стал совершенно чужим!

Мои ребята стали совершенно другими – циничными и холодными. Мне стало с ними неуютно и захотелось скорее уйти.

Что я мог ответить на их якобы взрослые разговоры? Мне стало себя жалко, и я вдруг, в самом деле, пожалел, что вернулся, однако была Лена, и я страстно хотел ее увидеть.

Знашев с кривой улыбкой с высоты своего роста посмотрел на мое грустное лицо и снисходительно положил свою лапу мне на плечо.

– Тебе подрасти надо. В бассейне набирают секцию водного поло. Пойдешь?

– Конечно!

– Учебный год начнется, тогда пойдем. Самолов тоже идет, правда, Слава?

– А то.

Августовские дни не прошли, а промелькнули. Я с трепетом ждал первый день нового учебного года, однако он вместо радости принес огорчение. Впрочем, теперь я предчувствовал, что именно так все случится.

Почти все мальчики, за исключением Борьки Хвана и еще двоих ребят, были длиннее меня, причем Самолов, Знашев, а также Ионопуло и Игнатов, – они пришли в класс после моего отъезда, – выглядели двадцатилетними мужиками, только что вернувшимися из армии.

Многие девочки, в том числе Шилочкина и Кузанова, оформились и стали настоящими девушками, при этом они тоже были выше меня! Трагедия нарастала.

Лена изменилась, приобрела женственность, ее стройная фигура впечатляла, а стянутый на затылке хвост по-прежнему сводил с ума. Она сильно не выросла, была с меня ростом, однако от этого было не легче. Окинув мою унылую фигуру одним быстрым взглядом, моя любовь больше не обращала на меня никакого внимания. Нет, не такого возвращения я так страстно ожидал!

Меня вновь стал мучить вопрос, – зачем я вернулся? Он стал терзать меня днем и ночью, а посещение школы превратилось в пытку.

Единственной отдушиной, по-прежнему, была Лена, одного того, что теперь я мог видеть ее почти каждый день, было достаточно, ради этого я был готов терпеть унижения, которые, впрочем, не собирался так просто спускать. Пусть они физически сильнее. Если заденут, я сцеплюсь с любимым, и тогда они узнают, что рановато решили списать Вала со счетов.

Однако я еще не знал, что мне готовит судьба. Большие надежды я возлагал на секцию водного поло, здесь, в самом деле, можно было вырасти и догнать своих сверстников по физическому развитию. Тренер, седой, литой как медведь, мужчина сразу дал такую нагрузку, что я едва приполз домой, а ночью меня стала бить лихорадка.

Странности начались еще в бассейне. Плавать я умел, однако подступила какая-то слабость, и мои ребята значительно опережали меня во всех упражнениях. Тренер хвалил Знашева и Самолова, а на меня лишь изредка косился равнодушным взглядом.

Утром я не смог подняться с постели. Температура не спадала неделю и, наконец, врачи поставили диагноз – болезнь Боткина или, как ее зовут в народе, желтуха. Месяц я отмокал в больнице, болезнь имела вялотекущий характер, и врачи не знали, что со мной делать.

В конце концов, весь белый, как лист бумаги, я вновь приступил к занятиям в школе, а со спортивной секцией водного поло пришлось распрощаться навсегда, – врачи запретили мне любые физические нагрузки, даже вес больше двух килограммов нельзя было поднимать. Нарушение запрета грозило инвалидностью.

В тот период я, в самом деле, чувствовал себя инвалидом. Одни сплошные запреты! Нельзя есть жареное, соленое и жирное, заниматься спортом.

Я пропустил много занятий в школе и теперь, сидя на уроках, совершенно ничего не понимал. Учителя спрашивали, а я ничего не мог ответить, и было очень стыдно.

Мое отставание в физическом развитии и болезнь на многое открыли мне глаза. Никакого сочувствия и поддержки от Самолова, которого я после этого перестал считать своим другом, я не получил. Да и был ли он моим другом? Он просто с детства понял, что необходимо наладить отношения с тем, кто сильнее, а сам втайне мечтал о лидерстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.